

О. С. Рыбчинская (Минск, Республика Беларусь)

МОТИВИРОВОЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИНТЕРРОГАТИВОВ В РАЗГОВОРНОМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ

Общеизвестно, что речевые акты в режиме реальной коммуникации далеко не всегда реализуются в своем автономном, изолированном виде. Вполне типичной является ситуация, когда успешность того или иного речевого акта обеспечивается дополнительными коммуникативными ходами, образующими порой довольно сложные иллокутивные комплексы. Ср., например: *Сергей, вы там ближе всех – вы не могли бы закрыть окно, а то сквозит* (основной речевой акт просьбы сопровождается мотивировкой обращения именно к данному адресату, а также обоснованием самой просьбы); *Извини, я тут подумала, все-таки я не смогу пойти с тобой: слишком устала* (основной речевой акт отказа от выполнения просьбы сопровождается извинением, эпистемическим компонентом и обоснованием отказа).

Феномен подобного усложнения получил в современной лингвопрагматике множество терминологических фиксаций. Ряд исследователей предпочитают в таких случаях говорить не о речевых актах, а о речевых жанрах просьбы, отказа, извинения, обещания и т.п. (В. В. Дементьев, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева и др.). Другие рассматривают такие контексты как сложные речевые акты (В. И. Карабан). Третьи (в частности М. Л. Макаров) интерпретируют их в качестве сложных реплик, трактуя реплику, или репликовый шаг как «все, что сказано и сделано между мной коммуникативных ролей» [2, с. 183–184] (разумеется, на этом участке коммуникативного пространства может разместиться даже не один речевой акт с сопровождающими его компонентами, но и несколько вполне самостоятельных речевых действий). Наконец, обоснованным является и понимание речевых актов как

коммуникативных поступков с дальнейшей их дифференциацией на микро- и макроступки (где первым соответствуют простые речевые акты, а вторым – сложные) (И. Н. Борисова). Соответственно, в структуре макроступков выделяются «доминирующие» и «поддерживающие» речевые поступки [1, с. 160–161].

В любом случае внимания заслуживает лингвопрагматическая природа тех коммуникативных ходов, которые сопровождают основные, генеральные речевые акты. Одним из важных ходов такого типа, поддерживающих интеррогативные действия, являются метакоммуникативы мотивировочного типа, т.е. метакоммуникативные речевые действия, суть которых заключается в обосновании, экспликации причины совершения основного, доминирующего действия. В самом общем случае они могут быть представлены в виде ‘Я говорю это, потому что...’. Применительно к интеррогативу мотивировочный компонент реализуется в виде ‘Я спрашиваю, потому что...’. При этом необходимо подчеркнуть, что к мотивировочным компонентам не относятся ходы типа ‘я спрашиваю, потому что хочу это знать’ – в таком случае мотивировочный компонент совпадал бы с условием искренности; речь идет именно о дополнительных компонентах, которые обосновывают уместность совершения интеррогативного действия, объясняют причину, по которой у говорящего возник тот или иной вопрос.

Основываясь на постулате специфичности реализации любых коммуникативных действий в различных дискурсивных сферах, мы обратились к двум максимально противопоставленным дискурсам, а именно разговорному (неинституциональному, спонтанному, политематическому, относительно нерегламентированному) диалогу и научному (институциональному, нормированному, регламентированному, тематически ограниченному) диалогу с целью выявить особенности реализации в них мотивировочных метакоммуникативов, дополняющих интеррогативы.

Выявленные тенденции можно суммировать следующим образом.

Для разговорного диалога характерны реактивные реализации мотивировки, обусловленные соответствующим метакоммуникативным запросом адресата вопроса, ср.:

– *У тебя все в порядке?* – *спросил Антипов, входя в комнату матери.*

– *Абсолютно,* – *сказала мать.* – ***Почему ты спросил?***

– *Соседка посмотрела как-то косо...*

– *Они странные, ты же знаешь. Нет, все в порядке* (Ю. Трифонов.

Время и место)¹.

В подобных контекстах экспликация мотивировочного компонента является иллокутивно вынужденным речевым действием и обусловлена коммуникативным решением отвечающего.

---

¹ Здесь и далее примеры из разговорного диалога приводятся по Национальному корпусу русского языка; всего было отобрано и проанализировано около 300 диалогических контекстов обсуждаемого типа.

Причины таких запросов на экспликацию мотивировки в разговорном диалоге вполне очевидны: отвечающий прибегает к ним в случае, если вопрос выглядит для него неожиданным, необычным (в частности, не характерным для коммуникативного поведения – спрашивающего и/или взаимоотношений между собеседниками), не вполне корректным, не вытекающим из коммуникативного контекста и т. д., ср.:

- *Сколько времени мы уже работаем вместе?*
- *В этом году лет семь будет, – подумав, сказала она.*
- *А почему ты спросил?*
- *Просто так. Как дела дома?*
- *Хорошо, – сказала она (М. Ибрагимбеков. Кто поедет в Трускавец).*

Конкретные вариации таких коммуникативных ситуаций разнообразны: запрос на экспликацию мотивировки поступает в случае, если вопрос настораживает адресата, чувствующего какой-то подвох:

– *Давно в Москве? – спрашивает. И что-то не случайное послышалось мне в ее вопросе.*

- *Да уж с месяц, – отвечаю.*
- *А почему ты спрашиваешь, видела, что ли?*
- *Видела.*
- *Где?*

- *Здесь, на вокзале, два раза видела (А. Рыбаков. Тяжелый песок);*
- *У тебя правда все нормально?*

– *Почему ты спрашиваешь? – напрягся Виктор. Сергей и сам вряд ли смог бы объяснить, что такое он почувствовал в Викторе, что необычного было в его поведении – нервозность, беспокойство, напряженность... или что-то еще (В. Валеева. Скорая помощь), – или наоборот, раздражает избыточностью, ненужностью, пустотой:*

– *Я хотела спросить, где ты познакомилась со своим мужем.*

– *Меня с ним познакомили, – ответила Лилиана, не отрывая взгляда от залитого водой шоссе. – А почему ты спросила?*

– *Просто интересно. А где вас познакомили?*

– *Господи, Вера, ну какое это имеет значение! (А. Маринина. За все надо платить).*

В свою очередь адресат может вполне содержательно и искренне ответить на запрос, объяснив свой мотив:

– *Скажите, пожалуйста... он красивый?*

– *Что-о? – изумленно переспросила она. – О Господи, почему вы спрашиваете? При чем здесь?..*

– *Я объясню, – заторопился Мышкин. – Скажу вам откровенно... я не знал Козлову лично и, конечно, не могу судить... (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный), – либо «отделаться» при помощи ничего не проясняющих десемантизированных клише (типа *просто так*):*

Вдруг Соня спросила:

– *Ты не женился?*

– Нет. **А почему ты спрашиваешь?**

– Просто так. Могу же я поинтересоваться твоей жизнью?
(И. Эренбург. Оттепель).

В некоторых случаях адресат вопроса сопровождает запрос на экспликацию мотивировки и своими предположениями, как правило реализуемыми при помощи вопросительных конструкций типа *Вы что, думаете, что...?*; *Уж не думаешь ли ты, что?*, ср.:

– Будете читать?

– Да. А что? **Почему вы спрашиваете?** – он взглянул на меня подозрительно. – Уж не считаете ли вы, что я покупаю книги «для мебели»? Я читаю очень много (Ю. Трифонов. Утоление жажды).

Мотивировки, эксплицируемые самим спрашивающим независимо от запроса, в разговорном диалоге тоже возможны, но встречаются значительно реже. Как правило, такие экспликации связаны с тем, что спрашивающий отдает себе отчет в том, что его вопрос может быть интерпретирован как неуместный / странный, и превентивным образом избавляет адресата от соответствующего запроса, ср.:

– Она журналист, то есть будет работать с вами.

– Наследница? – удивился Глеб. – Я спрашиваю, потому что хочу определиться с субординацией.

– Я еще ничего не решил, – устало ответил Гермес. Он выглядел плохо, лицо посерело и обвисло. – Просто познакомьтесь с ней, оцените (А. Иванов. Комьюнити);

– У тебя не найдется подержанного мотоцикла?

– Именно мотоцикла? Я спрашиваю, потому что есть несколько автомобилей. Может быть...

– Нет, я предпочел бы мотоцикл (А. Лазарчук. Все, способные держать оружие).

Что же касается научного диалога, то здесь наблюдается кардинально иная картина. Прежде всего необходимо отметить, что для научного диалога совершенно нехарактерны запросы отвечающих на экспликацию мотивировки вопроса. Во всяком случае, в нашем материале (более 40 стенограмм докладов с их последующим обсуждением общим объемом более 1200 страниц) не представлено ни одного контекста, в котором участник научного диалога предварял бы свой ответ уточняющими вопросами типа *А почему вы спрашиваете? А чем обусловлен ваш интерес к этому аспекту проблемы?* и под. В то же время встраивание мотивировочного компонента в реплику, основным компонентом которой является интеррогатив, для данного типа диалога вполне обычно, ср.:

Вы не усматриваете в этой пьесе связь с русской литературной традицией? Я почему об этом спрашиваю: Лев Александрович Мей, поэт, написал в 1854, по-моему, году или в 1855 поэму «Цветы». Это поэма о Нероне. Там есть потрясающая сцена: Нерон читает свои стихи перед большой аудиторией, и один из слушателей засыпает, убаюканный гекзаметром;

Спасибо большое за интересное выступление. Я хотела попросить чуть более подробно рассказать про роль экспериментов ваших исследований. Потому что, с одной стороны, вы много говорите про роль контекста, а с другой стороны – понятный недостаток экспериментов, что они изолируют деятельность из какой-то естественной среды. Что может влиять на результаты, которые мы получаем?

В единичных случаях спрашивающий эксплицирует мотивировку постфактум (но опять-таки без запроса со стороны отвечающего):

В о п р о с: Скажите, пожалуйста, а с музыкой вы не работали?

О т в е т: В полноценном объеме (чтобы можно было говорить о каких-то обобщениях) – нет, а некоторые любопытные, очень частные вещи делали <развернутый ответ>.

В о п р о с: Я почему задал этот вопрос – потому что существует проблема автоматического распознавания музыкальных текстов. И там этот подход мог бы быть плодотворным.

О т в е т: Да. Надо найти партнера для работы, я готов.

На наш взгляд, это обусловлено стремлением коммуникантов к подчеркнутой кооперативности речевого поведения: спрашивающий старается сделать максимально прозрачными для отвечающего все аспекты задаваемого вопроса; очевидно, что такая «предупредительность» способна обеспечить максимально точное понимание вопроса и соответственно максимально содержательный ответ на него, в чем заинтересованы обе стороны.

Поэтому в научном диалоге представлен достаточно широкий спектр мотивировок, ср. возможные варианты:

а) субъектная мотивировка («Я спрашиваю, так как это важно / интересно в силу моей работы / сферы моих научных интересов»):

Благодарю, меня тоже зовут Мария, я занимаюсь Средними веками, поэтому я буду спрашивать со своей колокольни – медиаистики;

б) темпоральная мотивировка («Я спрашиваю (именно сейчас), так как это следует из хода обсуждения проблемы»):

Да, пожалуй, теперь я свой второй вопрос и задам, потому, что он к этому и привязан. Вы сказали, что если мы здесь не будем использовать методы этологии, мы никогда не найдем ответа на эти вопросы. Давайте попробуем подумать, что же это значит, это высказывание;

в) содержательная мотивировка («Я спрашиваю, так как не вполне понял / заметил противоречие / нуждаюсь в комментариях»):

Здесь постоянно приводились аналогии с обществом. У меня возникает следующий вопрос. Эти процессы – это всего лишь аналогии, или на самом деле эти законы можно использовать для серьезного исследования общества и прочих систем?

Таким образом, мотивировочные компоненты интеррогативов играют важную роль в обеспечении успешности диалога, причем эта роль в разговорном и институциональном диалоге существенно различается.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – М. : КомКнига, 2005. – 320 с.
2. *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.